

— Таков наш Лиман: крутые **подъемы и спуски, скалы,** небольшие **сады** и огромная очень древняя **оливковая роща**

в горах у каждой семьи пулемет в огороде закопан, вот просто уверена. Ну как тут не влюбиться? Совиньон опять же и шардоне приличные.

Домик под лимоном в те времена — почти десятилетие назад — стоил так немного, что оказался доступен журналисту. На оформление покупки приехали мои родители. Были допущены в дом лишь после посещения нотариуса — из суеверия: мы были первыми русскими в этой части страны, купившими что-либо. Зайдя под сень лимона и оглядев интерьер, мама сказала: «Не так плохо, как я думала. Папа, выноси мебель». И я поняла, как заяц, что в этой лубяной избушке мне одной не жить, зато жить родителям, что они и делают все эти годы, доведя урожайность лимона до катастрофы и умудрившись посадить каждый сантиметр свободной земли всеми видами фруктов... Что это и их место, стало очевидно в первый же день. Папа был послан мамой за гаечным ключом. Пропал на час. Я пошла на поиски и увидела их с соседом сидящими на лестнице между домами с бутылкой домашней лозы, горячо обсуждающими — что? Слышу, папа говорит соседу-албанцу, с которым у него нет общего языка: «Так вот был у меня старпом Нечипоренко...»

Папа прославился еще одной фразой — ее мне пересказали соседи уже потом. У него в бухте маленькая парусная лодочка, на которой он уютит ближайшую акваторию и с радостью берет на свой скромный борт всех желающих, особенно детей. Приехавшие в отпуск новые люди подошли к папе и спросили, сколько стоит покатать ребенка. Папа набычился — представляю себе это — и гордо сказал: «Российские моряки парусами не торгуют!» Ну а ребенка, само собой, взял.

Мама широко известна телефонным звонком в Москву с просьбой привезти лаврушки к супу. Дитя российского ландшафта, она даже не поняла, что вся дорожка к пляжу и вообще почти все дороги у нас обсажены лавровыми деревьями, они как сорняк... Сорняком, выяснилось, является и дикая рукокола, жестковатая темно-зеленая травка с острым вкусом, так мало похожая на московские привозы — ее можно нарвать к обеду прямо за калиткой.

На этой земле все растет так, что воткнутая в почву увядшая роза через полгода оборачивается розовым деревом с человека ростом и бутонами размером с маленькую капусту. А кто не верит — пусть приезжает и смотрит сам. Такой вот наш Лиман. Это довольно крутые подъемы и спуски, скалы, небольшие сады и огромная очень древняя оливковая роща неподалеку,

жизнь прекрасна — разве не так назывался фильм кустурицы? Все тут было «кустурицей»

тоже, кстати, упомянутая еще Тацитом. Там есть деревья, которым по 500–600 лет, уже распавшиеся стволы необыкновенной красоты, вдохновившие фотографа Владимира Клавихо-Телепнева на серию очень красивых работ. С другой стороны городка, если пойти пешком через городской пляж, — сосновые роши... и снова скалы и крошечные бухты, и радость нырнуть в очень прозрачную, очень чистую воду. Подтверждением чистоты воды служит тот факт, что самые лучшие морегалы — осьминоги, кальмары, самые крупные креветки и вкуснейшие моллюски — добываются прямо под нашей деревней, чуть ли не под нашим домом. Особенно зимой.

Зимой у нас, конечно, вкуснее. В наших краях есть самый лучший на свете ресторан Aragosta. Мы туда ходим уже лет девять, и его звезда и совладелец шеф-повар Сенад Цунгу — все зовут его Ляппо — радость и улада наших ужинов. В сезон, когда даже наш забытый городок превращается в кучу малу (но все-таки не в нашем Лимане), у него вкусно, но обычно вкусно. Слишком много людей. А вот во все месяцы, кроме июля–августа, о, мой бог, как же там хорошо! И как бюджетно! Да что описывать — просто фиксирую.

Ужин на четверых. Попросили Ляппо купить на базаре свежей баранины — купил бараньих котлет на косточке, запек картошку в бараньем жире, метнул салатов и карпаччо из свежих рыб и креветок, ну, пара бутылок вина вполне приличного, лимончелло и кофе: €65 за все, включая чаевые...

Попросила каких-нибудь моллюсков — Ляппо съездил на мопед в Албанию (!), потому что наши рыбаки не выходили в море: штормило, привез 700 г свежих моллюсков; я съела две порции спагетти с вонголе и мидиями, и где еще, скажите мне, я найду такой сервис?

Ляппо, конечно, немного скучает, особенно зимой: он же классный повар, учился и работал в Швейцарии, с ним интересно обсуждать, скажем, новые меню в La Reserve, он много путешествует, и руки у него чешутся, но нас — ценителей — в Ульцине мало. Зато как же нам повезло!

Конечно, не все так думают. Негламурно у нас, несервисно. Деревня и есть деревня. Другой образ жизни. Собственно, за ним мы и приезжаем. Мне вот никогда там не бывает скучно, я рада поскучать именно так.

Зимним утром: солнце уже на террасе — можно завтракать в майке и смотреть на море. Можно гулять по 10 км, как я люблю. Можно пойти вечером к Ляппо и узнать, что привезли рыбаки. Можно сидеть у камина и наблюдать одновременно три упоительных зрелища — огонь, зимнее штормовое море и какую-нибудь оперу или «Дживса и Вустера», благо есть и библиотека, и коллекция любимых фильмов. Можно путешествовать — от нашей деревни через горный хребет на Скадарское озеро, увидеть его с самой высокой точки, иногда выше облаков, спуститься петляющей сквозь старые каштановые рощи дорогой к берегу, на лодке сплавить к полуразрушенным монастырям на островах, снова углубиться в горы и навестить партизанские семьи Орландичей. О, это отдельный рассказ. Младшие Орландичи

